

Стетюха Марина Петровна

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В статье рассматривается вопрос о реализации принципа законности в период Московского государства. В качестве материала для исследования автором выбраны правовые акты, в которых наиболее отчетливо прослеживается стремление центральных властей подчинить деятельность должностных лиц требованиям закона во избежание самоуправства, произвола и злоупотреблений с их стороны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/3/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 188-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Стетюха Марина Петровна

*Кафедра теории и истории государства и права
Южный Федеральный университет
Stetyuha_mp@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о реализации принципа законности в период Московского государства. В качестве материала для исследования автором выбраны правовые акты, в которых наиболее отчетливо прослеживается стремление центральных властей подчинить деятельность должностных лиц требованиям закона во избежание самоуправства, произвола и злоупотреблений с их стороны.

Ключевые слова и фразы: государство; законность; принцип законности; период Московского государства; должностное лицо.

В общемировой практике законность рассматривается как важнейший принцип функционирования правового государства. Действительно, правовой порядок немислим без строгого следования правовым предписаниям всеми гражданами, в том числе должностными лицами. К сожалению, реализация принципа законности в современной России далека от совершенства и тому есть те или иные объяснения. Тем не менее, нельзя не признать, что Российское государство ушло далеко вперед в этом направлении, нежели во всякий другой период нашей истории, и это, безусловно, прогресс.

Интересным представляется вопрос о том, когда в России впервые была предпринята попытка реализовать идею законности.

По данному вопросу в юридической науке нет однозначного ответа. Некоторые авторы появление законности связывают с именем Петра I. Указом от 12 января 1722 г. Петр I учредил «око государево» - прокуратуру, отвечающую за строгое и точное соблюдение всех предписаний, исходящих от государя, а впоследствии и от всех остальных государственных органов. Некоторое время спустя деятельность органов прокуратуры за строгим исполнением законов стала именоваться надзором за законностью. Именно поэтому эпоху Петра I называют отправной точкой исследования законности в отечественной науке [Пономарев, с. 18]. Другие авторы связывают практическую реализацию идеи законности с первой половиной царствования Екатерины II [Грибовский].

Конечно, существование той или иной точки зрения по интересующему вопросу неразрывно связано с тем, что конкретно понимают авторы под законностью. Но если говорить об «элементарной законности», которая обычно понимается как простое соблюдение существующих законов, независимо от их качества, то реализацию принципа законности можно наблюдать с более раннего периода, чем указаны выше, а именно с периода Московского государства (XV–XVII).

Думается, вопрос о реализации принципа законности целесообразно ставить в том случае, если, во-первых, закон в конкретный период времени является ведущим источником права; во-вторых, данный закон регламентирует деятельность должностных лиц; в-третьих, закон предусматривает ответственность должностных лиц за нарушение установленных правил.

Как видно, внимание акцентировано на соблюдении правовых предписаний должностными лицами. Этому можно найти объяснение. Дело в том, что соблюдение правовых предписаний «рядовыми» гражданами, является хотя и существенным аспектом законности, тем не менее, не достаточным.

Реализация принципа законности в деятельности должностных лиц весьма проблематична, ибо давно известно, что со стороны лиц, наделенных властными полномочиями «больше всего грозит опасность неподчинения праву» [Ефимов, с. 57]. Говорить о стремлении к законности без учета данного фактора бессмысленно. Именно поэтому в рамках настоящей статьи речь пойдет о реализации принципа законности в деятельности должностных лиц, а если быть точнее о первых попытках, которые предпринимались властями в целях подчинения деятельности должностных лиц требованиям закона во избежание самоуправства, произвола и злоупотреблений. И если подойти к истории вопроса о реализации принципа законности с учетом сказанного, то период Московского государства представляется весьма интересным для исследования.

Период Московского государства взят за отправную точку в исследовании вопроса о реализации идеи законности прежде всего потому, что именно в указанное время закон, хотя бы и с формальной стороны, начинает постепенно занимать ведущее место в системе источников права, вытесняя право обычное.

О развитии законодательной деятельности в Московском государстве свидетельствовало появление массы «указаний», исходящих от верховной власти в виде отдельных грамот и указов, особых сборников. Среди таковых следует особо выделить уставные грамоты, т.е. законодательные акты, которыми устанавливался порядок местного управления.

Стоит вспомнить, что местное управление до середины XVI в. строилось на основе системы кормлений: наместники и волостели, которые назначались московскими великими князьями для управления определенными территориями, не получали жалования за службу. Они существовали за счет взимания в свою пользу

части судебных и иных пошлин, налогов и сборов, т.е. пользовались правом получения корма [Виленский, с. 179]. Известно, что такая система создавала достаточно возможностей для самоуправления и злоупотреблений со стороны указанных должностных лиц.

Уставные грамоты обычно давались «по челобитью жителей» и, определяя порядок местного правительственного управления, были своего рода противодействием произволу и злоупотреблениям наместников и волостелей «путем регламентации отношения этих властей к населению по закону» [Филлипов, с. 240].

Наиболее интересными с исследуемой точки зрения представляются Двинская (1397-1398) и Белозерская (1488) уставные грамоты.

Так, в вводной части Двинской уставной грамоты указано: «Коли кого пожалую... в Двинскую землю... и мои наместники ходят по сеи по моеи грамоте великого князя» [Российское законодательство..., с. 181]. В этих словах отражено требование соблюдать предписания грамоты, которое подкреплялось угрозой ответственности за их несоблюдение перед великим князем. В целях ограничения произвола со стороны наместника Двинская уставная грамота устанавливает размер штрафа за совершенное преступление, полагающееся наместнику: «А кого утяжут в рубле, и наместником вины полтина; а того боле или менши, ино по тому ж» (ст. 7) [Российское законодательство..., с. 181]. С этой же целью законодатель стремится установить систему оплаты за выезды наместника для рассмотрения уголовных и гражданских дел, за вывоз в суд (ст. 8); дает перечень взимаемых в пользу наместника и дьяков пошлин, устанавливает их размер (ст. 10). В ст. 13 Двинской уставной грамоты также обнаружено стремление законодателя воспрепятствовать злоупотреблениям со стороны наместников: «А над кем учинят продажу силно, а ударят ми на них челом, и мне князю великому, велети наместнику стати перед собою на срок; а не станет, ино на того грамота безсудная и пристав мои доправит» [Там же]. В указанной статье речь идет о неправомерном взыскании продажи наместником и о последствиях этого действия. Причем, как видно, право обращаться к великому князю с жалобой предоставлено населению.

Положения об ограничении произвола и злоупотреблений должностными лицами более детально, чем это было сделано в Двинской уставной грамоте, регламентированы в Белозерской уставной грамоте. Так, в ст. 2 указанной Грамоты ограничивается размер корма, устанавливаются рамки его взимания причем не только для наместников, но и для его помощников; оговаривается и время взимания. Статья 3 точно устанавливает количество лиц, входящих в состав аппарата наместника: «А наместникам нашим оу них держати в городе и во станех два тиуна да десять доводчиков, во станех восемь доводчиков, а два в городе...» [Там же, с. 193]. Кроме этого, Грамота содержит правила поездок наместников по территории земли (ст. 4); запрет наместникам и их помощникам самостоятельно взимать корм (ст. 6); правило о рассмотрении судебных дел в присутствии «добрых» людей (ст. 19); запрет для должностных лиц являться «на пиры и братчины незванным» (ст. 20); возможность обжалования великому князю московскому действий должностных лиц (ст. 23).

Безусловно, положения этих, а равно и других уставных грамот не стоит переоценивать.

Во-первых, в этих актах интенсивно защищаются интересы господствующего класса.

Во-вторых, несмотря на то, что по уставным грамотам признается необходимость незаконного действия местных органов под угрозой ответственности перед центральной властью, «на практике эти принципы грамот не привели к созданию на Москве администрации, склонной руководствоваться в своих действиях законом» [Филлипов, с. 242].

В-третьих, хотя населению было предоставлено право «бить челом» и посылать уполномоченных к государю с жалобой на «утеснительные» действия должностных лиц, обычно такие челобитные влекли за собой простое напоминание должностному лицу, что «делать так не годится» [Грибовский, с. 3].

В-четвертых, основным мотивом данных законодательных установлений было удовлетворение интересов центральной власти, и, возможно, лишь как дополнительный - интересы народа. Так, например, наместники и волостели и «их люди», разоряя своими поборами местное население, плохо обеспечивали казне постановление «дани и сборов» [Филлипов, с. 247].

Вместе с тем, нельзя и недооценивать те шаги, которые были сделаны московским правительством в целях ограничения произвола, самоуправления, злоупотреблений наместников и волостелей хотя бы и в формальном смысле. Стоит помнить, что не всегда то, что написано на бумаге, сразу же реализуется в жизни. Возможно, нужен был определенный период времени для того, чтобы сами должностные лица, которые привыкли совсем к иным порядкам, стали соблюдать законные предписания и считали это за должное и необходимое. Так, В. М. Грибовский верно отмечает, что «служилым классам трудно было сразу отрешиться от веками сложившихся воззрений на государственную службу. Кормление, соединенное со злоупотреблениями, не казалось им пороком по существу; таковым оно являлось только с точки зрения царских указов, т.е. с внешней формальной стороны, сознанию же определенного круга людей представлялось обычным, заурядным, естественным явлением» [Грибовский, с. 15-16].

Однако то, что нормы такого содержания имеются в официальных актах верховной власти, уже позволяет сделать вывод о том, что попытки реализовать идею законности были предприняты гораздо раньше, чем это принято считать.

В дальнейшем стремление к реализации идеи законности обнаруживается в Судебниках 1497 и 1550 гг.

Поскольку наиболее обильным источником при составлении Судебника 1497 г. служили уставные и судебные грамоты, вполне естественно, что многие положения, по сути, дублировались. А. Н. Филлипов, характе-

ризуя Судебник 1497 г., отметил, что «...Судебник заимствует из уставных грамот все те постановления, какие имеют целью ограждение населения от насилий, лихоимств и взяточничества» [Филлипов, с. 260]. Вместе с тем в Судебнике 1497 г. можно встретить и такие нормы, которые в значительной степени были отредактированы, конкретизированы и пр.

Судебник 1497 г. уже в первой статье определенно запрещает брать «посул», а также оговаривает беспристрастность правосудия - «судом не мстити, ни дружите никому» [Российское законодательство..., с. 54]. Данная норма явно направлена на реализацию принципа законности, поскольку взятие «посула» могло влиять и влияло на само решение, в том числе не по «праву».

Статья 2 Судебника 1497 г. содержит положения о подсудности, различной компетенции судей: «А каков жалобник к боярину придет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемь, которым пригоже. А которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому люди приказаны ведати» [Там же, с. 54-55]. Данной нормой запрещается в том числе отказ в правосудии - «жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемь». Видно также, что положения этой статьи признают всех, в том числе холопов, субъектами права, которые могут не только «отвечать» по суду, но и «искать».

Равно как и в Двинской и в Белозерской уставных грамотах, Судебник 1497 года в статьях 3-7 и других устанавливает конкретный размер судебных пошлин, что, безусловно, ограничивает произвол со стороны должностных лиц.

Очень интересной с исследуемой точки зрения представляется статья 19 Судебника 1497 г. «О неправом суде»: «А которого обвинит боярин не по суду и грамоту правую на него съ диаком дасть, ИНО ТА ГРАМОТА не в грамоту, а взятое отдати назад, а боярину и диаку в том пени нет, а исцем суд с головою» [Там же, с. 56]. В случае вынесения судом решения с нарушением установленного порядка, стороны возвращались в первоначальное состояние и такое дело подлежало пересмотру (ст. 21-24, 64 и др. Судебника 1497 г.).

Содержатся в Судебнике 1497 г. и другие положения, которые регламентируют порядок действий должностных лиц, в том числе с целью ограничения произвола и злоупотреблений.

Положения Судебника 1497 г. несомненно отражают стремление к установлению законности в судебной деятельности. Уже сам факт того, что Судебник 1497 г. был первым систематизированным правовым актом, положения которого распространялись на всю территорию Московского государства, свидетельствует о стремлении упорядочить деятельность всех должностных лиц в судебной сфере. А это, в свою очередь, говорит о желании московской великокняжеской власти предупредить произвол и злоупотребления при осуществлении судебных функций. И сейчас, может быть, не так важно, что Судебник 1497 г. пропитан «правом привилегий», как, собственно, и все феодальное право. Важно то, что решение дела, исходя из личных соображений, начинает пресекаться, деятельность судебного аппарата регламентируется законом.

Еще большую роль в стремлении подчинить закону деятельность должностных лиц, осуществляющих правосудие, сыграл Судебник 1550 г. Если положения Судебника 1497 г. содержали указанные выше запреты без подкрепления таковых ответственностью за их нарушение, то в Судебнике 1550 года обнаруживается иной подход. А. Н. Филлипов отметил, что отсутствие наказания за установленные запреты, «вовсе не означает, что в эпоху действия I Судебника судьи не наказывались за указанные ... противозаконные деяния..., но это значит, что этот памятник еще не облек репрессии против этих деяний в точные нормы закона, а разрешал их от случая к случаю; Судебник же 1550 г. указал им известное точное течение по закону» [Филлипов, с. 271-272].

В интересующем аспекте следует обратить внимание на содержание статей 3-6 Судебника 1550 г., где предусматривается ответственность должностных лиц судебного аппарата за взяточничество. Так, в ст. 3 говорится: «А которой боярин, или дворецкий, или казначей, или дьяк в суде посул возьмет и обвинит не по суду, а обшется то в правду, и на том боярине, или дворецком, или на казначеи, или на дьяке взятии исцов иск, а пошлины царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное взятии втрое, а в пене что государь укажет» [Российское законодательство..., с. 97]. Таким образом, статья предусматривает и материальную, и уголовную ответственность за вынесение неправильного решения. Судьи возмещают истцу сумму иска и все судебные пошлины в трехкратном размере - «и пожелезное взятии втрое». «А в пене что государь укажет», то есть вопрос об уголовном наказании решался государем.

Но если для высших должностных лиц уголовная ответственность устанавливалась государем, то для других чинов судебного аппарата таковая оговаривается в самом Судебнике 1550 г. Например, ст. 4 предусматривает тюремное заключение за составление подложного судебного протокола за взятку, или если дьяк «дело запишет не по суду, не так, как на суде было» [Там же].

Еще одно примечательное положение отражено в ст. 7 Судебника 1550 года. Данная норма повторяет ст. 2 Судебника 1497 г. о запрете на отказ в правосудии. Вместе с тем статья 7 Судебника 1550 г., во-первых, определеннее указывает, кому судья должен отдать эту «управу», во-вторых, предусматривает ответственность за нарушение установленного правила: «...А который боярин, или дворецкий, или казначей, или дьяк жалобника своего приказу отошлет, а жалобници у него не возьмет, и управы ему или указу не учинит, и царю государю челомбитья его не скажет, и учнет тот жалобник бити челом государю...» [Там же, с. 98]. Государь, в свою очередь, отправляет жалобу обратно в суд для рассмотрения. И если в этом случае дело не будет рассмотрено, «бытии от государя в опале», т.е. государь назначает наказание за отказ в правосудии.

Статья 8 Судебника 1550 г., предусматривая размер пошлины должностному лицу, оговаривает и соответствующие негативные последствия за нарушение правил о размерах пошлины: «...А возмет боарин, или дворецкий, или казначей, или дьяк, или подьячий, или недельщик на ком что лишек, и на том взятти втрое...» [Там же], т.е. взыскивается штраф в трехкратном размере.

Или, например, если ст. 28 Судебника 1497 г. регламентировала порядок выдачи приставных грамот, и размер пошлины за ее выдачу, то ст. 44 Судебника 1550 г., содержит уже санкции за нарушение предписанных правил.

Аналогичные по сути положения содержатся и в ряде иных статей – 28, 41-42, 47-48, 54 и др. Таким образом, необходимая схема для реализации принципа законности - «регламентация деятельности – ответственность за нарушение установленного порядка» - в известной степени отразилась только в Судебнике 1550 г.

Весьма важной с точки зрения реализации принципа законности была отмена тарханных грамот: «...Тарханных вперед не давати никому; а старые тарханные грамоты поимати у всех» (ст. 43 Судебника 1550 г.). Напомним, что тарханные грамоты давали большие по сравнению с другими грамотами права. Владельцы тарханных грамот – феодалы – не только имели право суда над зависимыми от них людьми, но и освобождались от части или всех государственных налогов [Там же, с. 143]. Таким образом, как точно замечено А. Н. Филлиповым, Судебник 1550 г., «восставая против иммунитетов крупных землевладельцев в области суда и дани, пытался уничтожить привилегированность их положения и подчинить их общим нормам закона» [Филлипов, с. 271].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что попытки реализовать принцип законности в деятельности должностных лиц суда и управления весьма активно предпринимались уже в период Московского государства.

Список использованной литературы и источников

Алексеев В. П. Борьба за идею законности в Московской Руси. М.: Польза [б/г]. 124 с.

Грибовский В. М. Высший Суд и надзор в России (в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй). СПб.: Труд, 1901. 356 с.

Пономарев Д. А. Теоретические проблемы развития понятия законности в отечественной юридической науке: дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. 174 с.

Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.

Филлипов А. Н. История русского права: пособие к лекциям. Юрьев, 1907. Ч. 1. 732 с.

**THE REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN THE RUSSIAN STATE:
TO THE HISTORY OF THE QUESTION**

Stetuha Marina Petrovna

*Department of Theory and History of State and Law
Southern Federal University
Stetyuha_mp@mail.ru*

Abstract. In the article the question of the realization of the principle of legality is considered during the period of Moscow state. The material for research is legal acts in which the aspiration of central authorities to subordinate the activity of officials to law requirements in order to prevent arbitrariness, lawlessness and abuse is most distinctly traced.

Key words and phrases: state; legality; principle of legality; the period of Moscow state; an official.